

ОТЗЫВ
о выпускной квалификационной работе магистра лингвистики
М. Л. Федотова
«Глагольные категории языка гбан»

Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики «Глагольные категории языка гбан», представленная Максимом Леонидовичем Федотовым, является детальным типологически ориентированным описанием способов выражения сентенциальных значений в языке гбан, основанным в первую очередь на полевых материалах автора, полученных в результате целого ряда экспедиций в Кот-д'Ивуар, но крайне добросовестно учитывающим и опубликованные и неопубликованные данные других исследователей. Язык гбан относится к южной ветви языковой семьи манде (Западная Африка). До настоящего времени глагольная система гбан затрагивалась, если не считать дипломную работу самого М. Л. Федотова, лишь в небольшом очерке А. Ю. Желтова и не становилась предметом более обширной специализированной работы, и уже одно это не оставляет ни малейших сомнений ни в научной новизне работы, ни в ее самостоятельности.

Работа М. Л. Федотова вне всякого сомнения имеет актуальную тему. В настоящее время в мировой лингвистике ясно обозначена необходимость верификации сложившихся теоретических представлений на материале малоизученных языков. Описания грамматики или фрагментов грамматики малых языков перестали быть самодостаточной «вещью в себе», а связаны самыми тесными связями с лингвистической типологией и с теорией языка. Следует отметить, что М. Л. Федотов направленно делает эти связи как можно более явными, тщательно обсуждая и то, как описываемые им факты языка гбан соотносятся с типологическими ожиданиями, и исследуемые в работе теоретические понятия.

Следует упомянуть о том обстоятельстве, что исследование М. Л. Федотова выполнено в рамках ведущегося под руководством В. Ф. Выдрина неформального многолетнего коллективного проекта, известного как «российская группа по изучению языков манде». Имея в виду этот проект, можно уверенно говорить о том, что востребованность результатов, полученных М. Л. Федотовым, для последующих исследований имеет характер не общей перспективы, а вполне конкретную направленность: описание фрагмента грамматики языка гбан встраивается в ряд других детальных описаний других языков манде, которые, несомненно, единым массивом будут использованы для сопоставительной работы и в рамках сравнительно-исторического языкознания, и в рамках активно развивающейся в настоящее время внутригенетической типологии.

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения.

В первой главе представлен очерк базовых грамматических сведений о языке гбан – во-первых, его фонетике и фонологии (включая весьма существенную для глагольного словоизменения тонологию), во-вторых, о его морфосинтаксисе.

Во второй главе представлено очень подробное теоретическое обсуждение правомочности выделения у глагола гбан тех или иных грамматических категорий и их обзор.

В третьей главе описываются способы выражения участников ситуации, включающие как лично-числовые маркеры, так и вспомогательные глаголы с дистрибутивным значением.

В занимающей чуть менее половины работы четвертой главе рассматриваются значения, которые автор относит к модальной семантической зоне, – внутренняя, внешняя, деонтическая и эпистемическая модальность, значения, связанные с эмоциональной и этической оценкой ситуации, значения, входящие в семантическую зону дезидератива, способы выражения значений условия и уступки.

В пятой главе описаны иллюкативные значения – побуждение, пожелание, интеррогативность, экспрессивные значения, организация перформативных высказываний.

Грамматический список работы включает 50 наименований и с достаточной полнотой отражает литературу как по общей проблематике рассматриваемых тем, так и по языку гбан и шире языкам манде, обнаруживая, тем не менее, отдельные лакуны. Так, в частности, описание

категорий лица и числа выиграло бы, если бы автор учитывал широко известные работы А. Сиверской, описаний дезидеративной семантической зоны могло бы учитывать ряд специализированных работ по этой теме О. В. Ханиной; казусом является отсутствие ссылки на недавно защищенную кандидатскую диссертацию О. В. Кузнецовой по глагольной системе языка гуру, относящегося к той же ветви той же языковой семьи, что и гбан.

Достоинства работы не вызывают никакого сомнения.

Работа содержит добросовестный анализ разносторонних явлений, относящихся к предикативной системе языка, значительная часть сведений о котором в данной работе впервые вводится в научный оборот. Несмотря на то, что тема сформулирована относительно узко, фактически автор занимается далеко не только глагольными категориями, но выступает как квалифицированный специалист и по фонологии (включая тонологию – ее наиболее сложный и спорный раздел), и по формальной морфологии и морфонологии, и по грамматической семантике, и по клаузальному и полипредикативному синтаксису. Описание проблематики всех указанных языковых уровней выполнено автором на высоком теоретическом уровне, в типологической перспективе и частично в сопоставлении с родственными языками. Автору удалось блестяще соединить решение стоявшей перед ним задачи таксономического описания фактов языка гбан с решением более общей задачи анализа этих фактов в общетипологических и общетеоретических терминах. Следует отметить, что рассматриваемый материал никак нельзя назвать тривиальным с точки зрения типологических ожиданий. Достаточно упомянуть уже то обстоятельство, что применительно к языкам манде само понятие глагольной системы или глагольных категорий применяется с известной долей условности – словоформа, выражающая лексическое глагольное значение, занимает принципиально иную линейную позицию, чем словоформа или словоформы, берущие на себя основную нагрузку по выражению модально-видо-временных значений (которые, собственно, традиционно рассматриваются как основные глагольные категории); это ставит перед исследователем задачу отождествления целого набора словоформ с тем, что соответствует традиционному понятию «глагола», и М. Л. Федотов предлагает собственное оригинальное решение этой задачи, пусть и не во всем бесспорное.

Работа представляет собой уникальный момент источник сведений о выражении в языках южных манде целого ряда значений (или прагматических функций), включая, в частности, иллокутивные значения или многие маргинальные модальные категории, которые обычно остаются за пределами внимания авторов описательных работ.

Многие разделы работы (прежде всего это касается 3, 4 и 5 глав) непременно должны быть в переработанном виде опубликованы как серия статей.

Замечания к работе имеют частный характер.

Прежде всего, вызывает вопрос само название работы или – в связи с ним – выбор рассматриваемых тем. С одной стороны, несмотря на то, что работа декларируется как монографическое описание глагольных категорий гбан, автор практически исключает из рассмотрения именно те значения, что мы привыкли считать центральными в глагольной системе, – видо-временные. Автор указывает на то, что эти значения обсуждались ранее в его дипломной работе, но тем самым название работы оказывается не слишком удачным. С другой стороны, и это более существенно, понимание глагольных категорий, которое принимает М. Л. Федотов, оказывается настолько широким, что в конце концов объединяет круг весьма разнородных явлений, выбор которых в результате представляется по меньшей мере произвольным. Во-первых, в работе никак не показано специально, что категория лица-числа подлежащего в гбан – даже с оговорками относительно того, что вообще в манде есть две различных позиции для маркирования «глагольных» категорий, – действительно является глагольной категорией, то есть что соответствующий показатель образует с показателем предикативных категорий единую синтаксическую составляющую. Сам факт, что в случае выраженного лексически подлежащего 3 лица этот показатель в некоторых модально-видо-временных формах является в широком смысле согласовательным (то есть указывает на семантические признаки подлежащего, которые уже выражены в клаузе), не является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать категорию как глагольную. По той же причине сомнительно и отнесение к глагольным

категориям фокусных частиц, которые трактуются как глагольная грамматическая категория фокуса подлежащего. Тем более странно, что в качестве глагольной категории рассматриваются в разделе 3.1.1 объектные местоимения, входящие в глагольную группу на тех же основаниях, что и лексически выраженные прямые дополнения. Во-вторых, по меньшей мере странно отнесение к глагольным категориям лексических средств, которые используются для выражения значений, принадлежащих к рассматриваемым семантическим зонам, – а автор на равных правах рассматривает собственно грамматические средства для выражения модальных и иллюкативных значений и лексические средства, включающие вспомогательные глаголы и фразовые частицы. Применительно к лексическим средствам в работе говорится о слабой степени их грамматикализации, но для этого автор не приводит достаточных оснований – так же можно было бы говорить о грамматикализации модальных глаголов и в русском языке. Разумеется, сама по себе постановка задачи описания от значения к форме всех средств выражения значений определенной семантической зоны вне зависимости от их грамматического статуса абсолютно правомочна, но отнесение лексических средств к глагольным категориям представляется терминологической небрежностью.

Далее, вызывает большой вопрос авторская интерпретация понятия грамматической категории (здесь нужно иметь в виду, что выделение грамматических категорий в традиционном понимании в языках манде действительно представляет собой далеко не самую простую задачу). Вначале, в первой главе, автор предлагает выполненную в структуралистском ключе интерпретацию, в которой у глагола гбан оказывается целый ряд грамматических категорий, выделенных прежде всего на морфологических основаниях, причем во многих засвидетельствованных формах постулируется до четырех нулевых морфем; при этом ряд показателей способны сочтаться только с морфологическими нулями в других слотах, а само обоснование необходимости постулирования этих нулей, как кажется, недостаточно. Далее, во второй главе, автор выделяет грамматические категории глагола уже на семантических основаниях, принимая за единицу плана выражения уже единую конструкцию, включающую разные морфологические слоты, релевантные для выражения соответствующих значений. Если рассмотреть конструкцию как единого объекта кажется нам обоснованным (в частности, имманентной такой подход, как правило, и используется в мандеистике), то чисто семантические основания для выделения грамматических категорий не кажутся нам достаточными. Более естественно признать глагольную систему гбан «одномерной» (если пользоваться термином У. Уэлмерза) и говорить о едином ряде, в который входят значения, традиционно относимые к семантическим зонам времени, вида или модальности. Наконец, собственно при описании соответствующих категорий в 3–5 главах, как уже было сказано, автор двигается исключительно от значения к форме, в связи с чем грамматический статус рассматриваемых средств, не говоря уже об их объединении в грамматические категории, оказывается практически не релевантным. Возникает естественный вопрос, заслуживало ли тогда обсуждение состава грамматических категорий и их граммем того внимания, которое им уделено.

Не всегда очевидны принимаемые автором решения, касающиеся классификации языковых средств как принадлежащих к той или иной семантической зоне. Так, рассматриваемые в 3.2 (полу)грамматикализованные глаголы вряд ли можно считать средством для выражения собственно множественности участников ситуации – скорее речь идет о невыявленных аспектуальных (в широком смысле) значениях, которые создают уже вторичный семантический эффект, касающийся квантификации актантов. Рассмотрение в подразделе 4.2.1 имперфектива и проспектива как средств для выражения модальных значений обосновано недостаточно – скорее речь идет об имплицатуре собственно аспектуальных значений соответствующих показателей. Значение ‘действительно’, обсуждаемое в подразделе 4.3.1 вряд ли корректно трактовать как интенсив – речь идет скорее об ассертивном значении, входящем в зону эпистемической модальности. Наконец, вряд ли удачно рассмотрение в разделе 4.6 ирреальности ситуации как самостоятельной категории, так как фактически соответствующие средства обсуждаются и в других разделах, и материал этого раздела дублирует обсуждавшийся ранее.

Что касается композиции работы, то бросается в глаза отсутствие разделов, суммирующих результаты каждой конкретной главы, а также исключительная лаконичность заключения. Безусловно, работа выиграла бы, если бы была снабжена такого рода стандартными заключительными фрагментами.

Не все термины, употребленные в работе, ясны для внешнего читателя. Так, например, на с. 38 говорится об активных vs. пассивных синтаксических свойствах некоторой языковой единицы без комментария о том, что имеется в виду.

Чисто технические недочеты работы малочисленны, но упомянем, что в разделе 3.1, очевидно, ошибочная структура, так как название подраздела 3.1.1. «Прочие партиципанты...» предполагает, что ранее уже был подраздел о подлежащем, который в работе отсутствует.

Как уже было сказано, замечания к работе имеют частный и дискуссионный характер, не влияющий на ее общую высокую оценку и призваны прежде всего стимулировать дальнейшую исследовательскую деятельность автора, которая непременно должна быть продолжена в аспирантуре.

Работа удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к выпускной квалификационной работе магистра лингвистики, namного их превосходя, и фактически могла бы быть представлена на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В работе содержится решение задачи, имеющей существенное значение и для общего языкознания, и для лингвистической типологии, и для африканистики и в частности мандеистики. Автор работы, Максим Леонидович Федотов, несомненно, заслуживает присуждения ему искомой квалификации магистра лингвистики.

18 июня 2014 г.

старший научный сотрудник

ФГБУН Институт языкознания РАН,

кандидат филологических наук

А. Б. Шлуинский

руководитель